

— И не подумаю, — лениво протянул Сукуна.

В нём снова проснулась его скверная, издевательская натура. Он намеренно оскалился, демонстрируя острые клыки. В глазах Короля проклятий лихорадочно вспыхнул опасный, почти животный азарт — предвестник необузданной жажды разрушения.

Приподнявшись, он упёрся коленями в матрас по обе стороны от бёдер Харе. Мягкая постель прогнулась под его тяжестью. Сукуна начал медленно, дюйм за дюймом, склоняться над ним.

— Ах!.. — Харе растерянно выдохнул, и его синие глаза испуганно расширились.

На шее нависшего над ним проклятия натянулись жилы. Бешено мчащаяся по венам кровь несла в себе первобытную, разрушительную страсть, но, глядя на беззащитного Харе, Сукуна с трудом подавил этот дикий порыв крупными внезапно проснувшейся нежности.

В его четырёх глазах странно мешались безумие и обожание. Основная пара внимательно следила за лицом Харе, ловя каждую эмоцию, в то время как нижняя скользила ниже, упиваясь совершенно иным, куда более откровенным зрелищем.

Сукуна пообещал себе: едва на лице мальчишки промелькнёт хотя бы тень боли или неприятия, он тут же остановится и мягко его успокоит. Однако Харе уже плыл.

Нога Харе, закинута на сильное плечо проклятия, судорожно напряглась. Мышцы задрожали, спина плавно выгнулась дугой, а голова запрокинулась назад до предела. Под тонкой, почти прозрачной кожей отчётливо проступил кадык. Из горла вырвался тихий, прерывистый стон. Ресницы Харе дрогнули, и он поспешно прикусил губу, пытаясь сдержать рвущиеся наружу звуки.

Лицо мгновенно вспыхнуло пунцовым румянцем. Он сам не мог поверить, что способен издавать столь бесстыдные звуки.

— Ха-ха... — низко и хрипло рассмеялся Сукуна. В его приглушённом смехе сквозило тяжёлое, горячее дыхание, от которого по коже пробежали мурашки.

Этот звук на секунду лишил Харе остатков мыслей. Голова закружилась сильнее. Он уставился на белоснежный потолок гостиничного номера, но тот почему-то плыл перед глазами. Дрожали кленовые листья на настенном панно у изголовья — казалось, они вот-вот сорвутся с нарисованных веток и падут ему на грудь. Дрожал ракушечный оберег на окне, хотя звона его из-за шума крови в ушах слышно не было. Светильник в виде тюльпана на тумбочке расплывался мягким светящимся пятном. Всё вокруг ходило ходуном, двоилось и смазывалось. И посреди этого покачивающегося, безумного мира единственным чётким ориентиром оставался взгляд Сукуны, в котором отражался только он один.

«Как кружится голова...»

От самого копчика вверх по позвоночнику бежали обжигающие разряды, заставляя затылок неметь, а тело — сладко ныть от изнеможения. Растекающаяся нега окончательно лишала способности соображать.

—... Горячо, — неосознанно сорвалось с его губ.

Тело Сукуны полыхало жаром. Харе казалось, что он тает — безвозвратно, словно кусок льда, забытый под палящим солнцем на песчаном пляже. Утрата контроля пугала. Он чувствовал себя утлой лодочкой, брошенной в бушующий океан: ни берега, ни пристани, лишь бездонная пучина, готовая поглотить его в любой миг.

Охваченный внезапной тревогой, Харе из последних сил приподнялся на локтях и уставился прямо в глаза проклятия:

— Су... Сукуна, стой... Я тебе говорю, я... я сейчас растаю. Начнётся ливень...

Он бормотал какую-то чепуху, путаясь в словах, но делал это с таким отчаянно-серьёзным и трогательным видом, что у Сукуны сладко заныло в груди. Раскрасневшийся, взъерошенный — от него невозможно было отвести взгляд. Повинуясь глупому порыву, Сукуна всё же мазнул глазами по окну.

За панорамным стеклом колыхались тёмные силуэты пальм. Море спало — спокойное, гладкое. Ни единого намека на грозу.

Сукуна собирался уже отвернуться и сбавить напор, как вдруг заметил отражение на тёмном стекле. В полумраке комнаты оно было чётким, словно в зеркале.

«Какая прелесть...»

Он заговорщически улыбнулся и тихо произнес:

— Я проверил. Никакого дождя не будет.

— Будет... Я знаю, — упрямо зашептал Харе, обвивая руками его шею и притягивая к себе ближе. Голос его сорвался на испуганный заговорщический шёпот: — Если в океане начнётся шторм, корабль утонет... А я не умею плавать...

Накатывающее удовольствие окончательно лишало его воли. Он больше не пытался казаться сильным, беззащитно раскрываясь перед грозным проклятием и вываливая все свои потаённые страхи. Расслабившись, Харе навалился всем телом на поддерживающие его нижние руки

Сукуны и умоляюще прошептал:

— Держи меня. Пожалуйста.

Сукуна тут же сгрёб его в охапку. Нижняя пара рук надёжно обхватила бёдра Харе, верхняя — намертво прижала к широкой груди, а пальцы принялись успокаивающе массировать чувствительный затылок.

Так ласкают испуганного дикого зверька — терпеливо и бережно. Вот только бережность эта никак не вязалась с силой его сокрушительных, глубоких толчков.

Харе редко бывал таким. Обычно ершистый, кусачий, готовый в любой момент показать коготки, сейчас он превратился в податливый, беззащитный комочек, лепечущий какую-то милую чушь. И эта метаморфоза сводила Короля проклятий с ума.

— Не бойся. Так лучше? — тихо спросил Сукуна, утыкаясь губами в его висок.

Харе уткнулся лицом в изгиб его плеча и слабо, пьяно кивнул, окончательно сдаваясь на милость победителю.

Глаза защипало от выступивших слёз. В полумраке спальни мир сузился до коротких розовых прядей волос прямо перед лицом и вздувшейся вены на чужой шее.

— Глупый мальчишка, не молчи, — прошептал Сукуна, целуя его в макушку. — Язык же себе прокусишь.

— Не... — попытался возразить Харе, но вместо протеста сорвался на надрывный, хриплый стон, прозвучавший слишком призывно.

Сукуна довольно сощурился. Заметив, как парень смутился, он издевательски шепнул на ухо:

— Считаю это заслуженной похвалой. Мой маленький хозяин, побалуй меня ещё...

«Мерзавец... Какого чёрта он творит?!»

— Извращенец... — выдохнул Харе, умирая от стыда.

Вместо ответа он впился зубами в напряжённое плечо Сукуны, вымещая всю свою злость.

Проклятие демонстративно и наигранно зашипело, ни капли не скрывая ухмылки.

Харе хотел высказать всё, что о нём думает, но слёзы застилали глаза, а голос предательски дрожал. Любое ругательство сейчас прозвучало бы как капитуляция. Он замолчал, утыкаясь лбом в чужую грудь. Горячие капли скатывались по его подбородку прямо на разгорячённую кожу Сукуны.

Только тогда терзавшее его проклятие на миг отвлеклось от своего упоительного занятия. Сукуна легко поднялся вместе с Харе на руках и усадил его на высокий комод. Обхватив его за плечи, он мягко заставил парня отклониться назад, чтобы заглянуть в лицо.

Действительно плакал. Из-под полуопущенных век блестели непрошенные слёзы.

Синева его глаз казалась бездонной, словно океанская глубь, которая больше не могла сдерживать прилив. В Сукуне шевельнулось нечто, отдалённо напоминающее совесть. Он замедлил движения и бережно смахнул костяшкой пальца влагу с ресниц Харе.

— Больно?

Харе отвёл взгляд и едва заметно качнул головой.

В ту же секунду остатки совести Сукуны испарились без следа. Мышцы внизу его живота натянулись от новой волны возбуждения.

— Значит, сладко...

«Бесстыдник... Ну и похотливая же тварь!»

Кончики пальцев Харе вспыхнули от смущения. Он уткнулся подбородком в грудь и после долгой, мучительной паузы едва заметно кивнул.

Этот кивок подействовал на Сукуну как спусковой крючок. Последние барьеры рухнули, уступая место чистой, первобытной страсти.

Харе оторвал руки от столешницы и потянулся к шее проклятия, пытаясь укрыться в его объятиях от собственного стыда, но Сукуна жёстко перехватил его за талию, не позволяя спрятаться.

Окончательно потеряв всякий стыд, Сукуна одной рукой прижал его со спины, а пальцами другой приподнял лицо Харе за подбородок, заставляя смотреть на себя.

— Не прячься. Дай мне наглядеться.

— Да на что там... смотреть! — Харе попытался отвернуться, из последних сил сопротивляясь этому обжигающему взгляду. — Сумасшедший!..

В ответ раздался лишь тихий, довольный смех.

— На что смотреть? — вкрадчиво переспросил Сукуна, делая вид, будто задумался. — Действительно хочешь знать?

Он резко развернул Харе спиной к себе и, подхватив под бёдра, прижал к панорамному окну.

— Кстати, ты ведь переживал из-за шторма? Ну же, посмотри. Море тихое. Разве я стал бы тебе врать?

Харе лишился дара речи. Поначалу он послушно уставился вдаль, пытаясь разглядеть волны, но тут же осознал, какую ловушку ему приготовили. На тёмном стекле во всех подробностях отражалось их переплетённое, порочное действие. Он в ужасе зажмурился.

Но было поздно: порочная картина уже запечатлелась на сетчатке. Щеки и шея Харе запылали так, словно его живьём бросили в огонь.

«Ублюдок! Какая же он грязная, похотливая тварь!»

— Что такое? Глазки разболелись? — заботливо спросил Сукуна, хотя издевательский тон выдавал его с головой. Видя, что парень упорно держит глаза закрытыми, он перестал притворяться:

— Хочешь, поцелую, чтобы прошло? Ого, да ты весь горишь... Тебе не нравится? А помнишь, я говорил, что происходит, когда ты сжимаешься от страха?.. О да, мне сейчас невероятно хорошо. Если бы ты открыл глаза и посмотрел на себя, я был бы на седьмом небе от счастья.

Утренний бриз, пропитанный солью и запахом водорослей, лениво шевелил занавески. Прохладный воздух скользнул по постели, потрепав чёрно-белые пряди спящего парня, и сквозняком ушёл в щель под дверь.

Обои и картины в номере были выдержаны в багровых тонах, резко контрастируя с белоснежным постельным бельём. Харе лежал на животе, зарывшись в подушки по самую макушку. Лишь чёрные кончики его волос нарушали эту стерильную белизну. Он лежал неподвижно, пока наконец не зашевелился и не приподнял голову. Когда он открыл глаза, глубокий синий цвет его радужки словно разогнал утренние сумерки.

Впрочем, настроение у него было далеко не солнечным. Разбудил его отвратительный запах гари и какой-то дикий грохот, доносившийся из гостиной.

Он посидел несколько секунд, тупо глядя перед собой, прежде чем подняться на локтях. Одеяло соскользнуло, обнажая плечи и спину. На некогда безупречной коже живого места не осталось: укусы, тёмные следы пальцев и багровые засосы красноречиво свидетельствовали о том, насколько неистовой была вчерашняя ночь.

Попытка повернуться отозвалась резкой, тянущей болью в пояснице. Харе поморщился, проклиная всё на свете, накинул светло-синюю юкату с белым бамбуковым узором и осторожно опустил босые ноги на пол.

Едва ступни коснулись ковра, колени предательски подогнулись. Харе едва не рухнул, в последний момент успев ухватиться за спинку кресла. Окажись кто-то рядом, он бы сгорел от стыда.

Кое-как выпрямившись, он тяжело выдохнул. Раздражение от прерванного сна, помноженное на физическую немощь, заставило его буквально потемнеть лицом. Какого чёрта творит этот ублюдок?!

Разъярённый, он ковылял к выходу из спальни. Но едва распахнул дверь в гостиную, как застыл на пороге, лишившись дара речи.

Там, где когда-то высилась аккуратная кухонная стойка, весело полыхал костерок. Всё, что находилось поблизости — чашки, чайник, тарелки, обеденный стол, индукционная плита, микроволновка и шкафчики, — превратилось в грудку аккуратно нарезанных обломков. Буквально каждый предмет интерьера постигла участь быть нашинкованным в щепки.

Даже два кресла у окна не избежали этой участи. Идеально ровные срезы на деталях не оставляли сомнений в том, кто именно приложил к этому руку.

С потолка вовсю хлестал сработавший пожарный разбрызгиватель, усердно заливая руины водой.

Виновником этого хаоса был сам Король проклятий. Двуликий, облачённый в свою неизменную белую юкату с нелепо завязанным сзади пышным фиолетовым бантом, стоял со сложенными на груди руками посреди учинённого им разгрома и о чём-то напряжённо думал.

Услышав шаги, он обернулся. На его высокомерном лице на долю секунды промелькнуло редчайшее выражение неловкости, которое тут же сменилось привычной спесью и брезгливостью:

— Всё это барахло здесь какое-то хлипкое.

Он всего лишь хотел приготовить завтрак. Всё-таки ночью он немного увлёкся и взял парня слишком грубо, так что тот под конец просто потерял сознание. Сукуна рассчитывал загладить вину.

Ради этого он даже стащил телефон Харе и вбил запрос в поисковик. Штука была непривычной, но он не раз видел, как ей пользуется парень, и быстро во всём разобрался.

Интернет утверждал, что «завтрак, приготовленный с любовью», творит чудеса. Сукуна, как истинный ценитель изысканной кухни, счёл это утверждение вполне логичным.

Проблема заключалась в том, что он понятия не имел, как устроена индукционная плита. Он всего лишь хотел пожарить яйца, нарезать зелень и собрать сэндвич по рецепту, но кулинарный порыв закончился тем, что Харе созерцал прямо сейчас.

Харе молча опёрся о косяк, чувствуя, как у него дёргается глаз. Он даже не знал, с чего начать эту лекцию. Да будь эта мебель хоть из титана, разве она устоит против его рассекающих ударов и адского пламени?! Это же обычный отель! С самыми обычными столами и стульями! Они, чёрт возьми, не были проклятыми объектами особого ранга! Что он от них ожидал?!

И только чудом уцелевший кухонный остров безмолвно вопрошал:

«Серьёзно?»

<http://bllate.org/book/19043/2005266>